

Они сражались за Родину!

★ Даниил ВЕКОВ ★

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

**«КВ-9» ПРОТИВ ТАНКОВ
МАНШТЕЙНА**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Художник *Иван Хивренко*

Веков, Даниил.
В26 Крымская весна. «КВ-9» против танков Манштейна / Даниил Веков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 288 с. — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-699-95287-8

Весна 1942 года. Наши войска на Керченском полуострове готовятся освободить Крым. Но Манштейн опережает их, нанеся неожиданный и сильный удар. Его цель — разгромить части Красной армии под Керчью, переправиться на Тамань и развивать наступление в направлении нефтяных месторождений Грозного, Моздока и Баку.

Но на пути немецкого прорыва встанет «сталинский гигант» — новейший танк «КВ-9», производство которого только начинается на Челябинском тракторном... Крепкая уральская броня делает его неуязвимым для большинства немецких орудий, а мощная гаубица позволяет бить любые немецкие танки.

Казалось бы, что может всего одна машина против целой механизированной дивизии? Очень многое... Особенно если им управляет умелый экипаж, получивший боевой опыт в тяжелых танковых сражениях 1941 года под Бродами и Дубно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95287-8

© Веков Д., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

Какая же твердая здесь земля! Долбишь ее, долбишь, а все никак. Одни только камни да галечник. А надо бы вырыть хоть небольшой окопчик, чтобы было где укрыться, иначе куда прятаться, когда фашисты в атаку пойдут?

А в том, что они пойдут, можно не сомневаться. Это как пить дать! Знаем, проверено на собственной шкуре. Вот переждут самое солнце, а к вечеру, как чуток жара спадет, и полезут. Они сейчас вон там, за той балкой спрячутся, в старом саду. Заняли, освоились, а теперь дальше наступать будут, уже на самую Керчь. Вот по этой самой дороге, прямо через нас. До города — всего шестьдесят километров, оседлают фрицы шоссе — и все, Керчь, считай, уже в их руках. И порт тоже. А значит — и переправа на Тамань...

Как их сдержать? И чем? Пустят гитлеровцы танки и сметут нас, как листочки с парковой лавочки. Не устоять! Но тем не менее приказ есть приказ, надо держаться до последнего, стоять насмерть.

...Эх, немцам сейчас хорошо, сидят себе в теничке под деревьями, пекло пережидают. Отдыхают под совхозными яблонями, грушами и сливами — это хоть и небольшая, но все же тень. Можно на травку прилечь, растянуться поудобнее, покурить. А еще там есть старый колодец, а вода в нем — очень вкусная,

свежая, прохладная. Сами вчера пили, пока нас отсюда не выбили... Сидим мы сегодня посреди степи, долбим проклятую землю, которую даже саперная лопатка не берет — настолько сухая и твердая. Да еще жара стоит страшная, нательная рубаша вся мокрая от пота, а снять нельзя — сразу же сгоришь...

Рядовой Алексей Сомов вытер пот со лба и с трудом разогнулся. Слева и справа от него долбили горячую землю товарищи-красноармейцы, рыли точно такие же окопчики. Редкая цепочка ячеек протянулась вдоль невысокого холма, у подножия которого расположилась артиллерийская батарея. Она и должна остановить немецкие танки, когда те пойдут по шоссе на Керчь...

Четыре низенькие, приземистые «сорокапятки» — вот и все, что осталось от артдивизиона. Больше нет, все остальные орудия разнесли позавчера «лаптежники». Весь день бомбили, утюжили позиции, превращали пушки в металлолом, в скрюченное, искореженное железо...

А «сорокапятки» спрятали в совхозном саду, укрыли под деревьями, «юнкерсы» и не заметили, проскочили мимо, обрушили весь свой удар на полковую батарею... Знали, сволочи, где находится, разведали задолго до наступления...

Слава богу, хоть пушечки-«сорокапяточки» уцелели, а то чем бы сейчас отбивались? Немецкие танцеры одними гранатами и бутылками с зажигательной смесью не остановишь, прут они нагло, напролом, всей своей стальной мощью... До самой Керчи — ни одного огневого рубежа, отступать некуда — позади

голая степь, для немецких танков — сплошное раздолье. Им до города пара часов хода, и то, если особо не спешить...

Алексей Сомов отряхнул галифе — одежда вся белая от известковой пыли. А еще лицо, руки, волосы... Рядом же каменоломни, откуда испокон веков брали камень для строительства города, вот и летит по ветру белая невесомая пыль, противно скрипит на зубах... Очень хочется промочить горло, да нечем — воды во фляге осталось совсем чуть-чуть, на самом доньшке. Один-два глотка, не больше. А подвезут ли еще — неизвестно, кухню два дня уже никто не видел. С самого начала немецкого наступления. Вот ведь жизнь!

Сомов тяжело вздохнул и снова принялся долбить сухую землю. Работа шла тяжело, руки все были в кровавых мозолях. Но он терпел — для себя же самого стараешься, для укрытия. В голой степи каждая ямка — считай, что окопчик...

Рядом неожиданно возник старшина Степан Фильченко, критически осмотрел сделанное и едко заметил:

— Мелко копаешь, Сомов, задница наружу торчать будет. Фрицы по ней как раз и пальнут...

— Не земля, а сплошной камень, товарищ старшина, — грустно ответил Алексей, — долбишь ее, долбишь, а все без толку. Гранатой бы рвануть, а?

— Я тебе дам — гранатой! — нахмурил брови Фильченко. — Сам знаешь — совсем мало их осталось, только для танков. Надо беречь! В общем, давай рой глубже. Как крот!

— Могилы себе копаем, — зло заметил красноармеец Айдер Мустафаев, работавший слева. — Тут нас и похоронят..

Старшина Фильченко услышал его слова и строго прикрикнул:

— Типун тебе на язык, Мустафаев! Думай, что говоришь! Вот возьмут тебя, куда надо, чтобы панику не сеял! Будешь тогда знать, как языком чесать..

Фильченко грозно посмотрел на Айдера, и тот сделал вид, что занят делом — долбит ячейку. Но, как только Степан отошел, недобро прищурился вслед:

— Это мы еще посмотрим, кого куда возьмут..

Мустафаев был из местных, из крымских, его призвали совсем недавно. И он был страшно недоволен тем, что оказался на войне, драться с немцами он совсем не хотел..

Алексей Сомов поковырялся еще немного, затем сел передохнуть. Надо бы перевести дух... Снял пилотку, вытер мокрое лицо, вынул из кармана галифе кисет с табаком. Старшина отошел, можно и покурить..

К нему тут же подскочил Мустафаев:

— Угости табачком!

— Свой иметь надо! — привычно ответил Сомов, но щепотку махорки все же дал.

Очень ему не нравился этот Мустафаев — скользкий, злой, неприятный тип. Но все же — однопольчанин, вместе воюем, значит, надо поделиться — побоевому, по-товарищески. Мустафаев закурил, кивнул на противоположную сторону поля:

— Как думаешь, скоро они полезут?

Алексей задумчиво посмотрел на солнце (еще высоко, почти в зените) и покачал головой.

— Нет, часа через три, не раньше. Как жара спадет. Успеем еще ячейки свои выкопать, да и отдохнуть, пожалуй. И поедем, если пшеничную кашу привезут...

— Как же, привезут! — недовольно скривился Мустафаев. — Небось сидят эти крысы тыловые у себя в Керчи, трясутся от страха за свои шкуры! А мы здесь голодные! Воевать — не жрамши, подыхать — не жрамши... Тьфу!

Мустафаев зло сплюнул, а Сомов пожал плечами — может, полевою кухню разбомбили? Вчера как налетели «лаптежники», как устроили хоровод с «шарманкой»... Думал — конец, сейчас накроют. И похоронят тогда его здесь же, в траншее, слегка присыпав землей. Скажут пару слов на прощание, если время будет, и все...

Но ничего, пронесло, остался цел, лишь слегка оглушило. Так что полевою кухню вполне могли и разбомбить. Да и есть на такой жаре совсем не хочется, лучше бы воду привезли, она гораздо нужнее. Впрочем, чего зря мечтать? Ясное дело — кухня вряд ли появится до вечера. А там еще неизвестно, что будет и кто жив останется...

Алексей бросил окурочок в сухую серую траву и снова принялся долбить землю. Прав старшина, надо рыть глубже. А то и в самом деле — задница наружу торчать будет...

Мустафаев вернулся к своей ячейке, но работать не стал — прилег на чахлую траву и сделал вид, что

дремлет. Но время от времени приподнимал голову и быстро оглядывался — не идет ли Фильченко? Связываться со старшиной он боялся: у того — кулаки пудовые, может спокойно приложить. Исключительно в воспитательных целях. И не пожалуешься ведь никому — взводного лейтенанта вчера убили, и Фильченко теперь у них за главного...

* * *

Густой горячий воздух разорвал низкий, протяжный гул моторов.

— «Юнкерсы!» — крикнул кто-то истошно.

Все бросились кто куда. В основном — под чахлые кустики или в свои же ячейки. Но какое это укрытие — летчикам сверху видно все, как на ладони. Алексей поднял голову, посмотрел: в выжженном крымском небе висели черные самолеты с хорошо знакомыми обтекателями на шасси. Снова эти проклятые «лаптежники», Ю-87!

Один за другим немецкие бомбардировщики срывались в пике и наносили удары по позиции. Главной их целью, конечно, были «сорокапятки», но и пехоте тоже досталось. Взрывы накрыли редкую цепочку ячеек, разметали не успевших окопаться красноармейцев...

При первых же воющих звуках Алексей упал на дно ямки, закрыл голову руками и стал повторять: «Только бы мимо, только бы мимо!» Конечно, пользы от этого было мало, как и от ячейки, в которой он спрятался, но все же... В Бога Алексей не верил (комсомолец все-таки), а отбиваться от «юнкерсов» было нечем — зениток-то нет.

Те, что имелись, по приказу командования перекинули в Керчь — прикрывать переправу, а из пулемета или винтовки «лаптежника» не сбить. Проверено уже, можно даже не пытаться, только патроны зря потратишь. Значит, надо надеяться на собственное везение. Или на чудо... Может, бомба упадет мимо, не накроет, не похоронит в ямке...

Артиллеристам досталось больше всех — батарея стояла у самого шоссе, практически на виду. Несколько прямых попаданий — и во все стороны полетели искореженные куски орудий, разорванные тела бойцов... Затем детонировали снаряды, что еще прибавило хаоса и огня. Воздух сразу стал вязким, густым, горьким — от кислого запаха взрывчатки. Серые клубы дыма закрыли небо — это занялись жидкие кустики. Казалось, горело все вокруг — и трава, и земля, и даже камни... Наконец «юнкерсы», довольные результатом, повернули назад, на свой аэродром. Дело сделано, можно и пообедать...

Алексей остался цел. Правда, его чуть оглушило, присыпало землей, но — ничего, не страшно. Вылез из ямки, выплюнул изо рта сухие комки земли, отер рукавом лицо — кажется, повезло. Приподнялся, осмотрелся: вместо батареи «сорокапятков» — дымящиеся воронки, ПТО у них, считай, больше нет. Да, основательно поработали немцы, точно накрыли цель. Им, пехоте, впрочем, тоже досталось — со всех сторон слышались стоны раненых, крики, мольбы о помощи. А кто-то уже навсегда замолчал, уткнувшись лицом в крымскую землю...

...И в это время началась атака. Гитлеровцы не стали ждать, пока спадет жара, решили наступать сразу же после налета. Что логично — надо бить противника, пока тот не опомнился от бомбового удара. Из совхозного сада, проломив низенький каменный заборчик, на шоссе выползли пять серых угловатых машин с черными крестами на боках. Тупые орудия смотрели прямо на красноармейцев... Панцеры шли открыто, в лоб, ничего не боялись — знали, что «сорокапяток» больше нет.

На шоссе машины слегка притормозили и дали залп. В надежде, что советские бойцы испугаются и побегут. Алексей упал на дно ячейки и снова прикрыл голову руками. Очень вовремя — рядом встал огненно-черный фонтан. Земля тяжело вздрогнула, на пилотку посыпались мелкие камушки и сухие комки земли...

Немецкие танкисты промахнулись — взяли чуть выше. Новых потерь среди красноармейцев оказалось немного. В ответ, разумеется, никто не стрелял — чего зря расходовать патроны? Вот подойдут поближе, тогда и разберемся — гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Раз пушек нет.

Следующий залп оказался для немцев более удачным — ячейки накрыло. Стало трудно дышать, едкий запах забил нос и горло, уши заложило. У Алексея загудело в голове, перед глазами поплыли красные круги. Он вылил на лицо остатки воды из фляги, стало немного легче.

Осторожно выглянул из ямки: вслед за панцерями в атаку пошли и немецкие пехотинцы. Серо-зеле-

ные фигуры растянулись вдоль шоссе, но не торопились — пусть сначала поработают панцергренадеры, а они уже потом добьют оставшихся. Тех, кто уцелеет..

Сомов заметил, что сосед справа, Иван Левушкин, высунувшись из ямки, начал бешено стрелять по гитлеровцам. Алексею стало стыдно — Левушкин гораздо моложе его, а смотри-ка — не испугался, бьет по врагу из «трехлинейки». А он что же? Ведь не трус, воюет уже полгода, значит, опытный боец. К тому же комсомолец, должен показывать пример..

Алексей лег поудобнее, поднял тяжелую «мосинку», прицелился и несколько раз выстрелил по серым фигурам. Попал или нет — не разобрать, далеко, но зато своей стрельбой он привлек внимание.

Один из панцеров, резко развернувшись, пошел прямо на него, еще минута — и надвинется, раздавит гусеницами. Алексей нервно оглянулся — не пора ли бежать? Но куда? Если по шоссе, то точно попадешь под пулемет, а если по степи — достанут из пушки. Панцеры простреливали все пространство перед собой, густо поливали землю свинцом.

«Все, отвоевался, — грустно подумал Алексей. — Сейчас надвинется и пройдет гусеницами...» По поводу своего укрытия он иллюзий не питал — в такой ямке точно не спрячешься, сотрут тебя в пыль.

Рядом неожиданно появился старшина Фильченко. Вид его был страшен: на голове — рваная рана, кожа содрана, волосы обожжены, лицо залито кровью... На немой вопрос Алексея коротко бросил: «Снарядом накрыло, но ничего, живой. А вот ребятам не повезло — в ключья! Ну, сейчас эти фрицы за все ответят!»

В руках Фильченко сжимал противотанковую гранату — тяжелую, в зеленом цилиндрическом корпусе. Прищурился, посмотрел на панцер, а затем лег на землю и ловко, по-пластунски заскользил ему навстречу. Очень умело — прячась за редкими кустиками и невысокими холмиками...

Старшина постепенно приближался к ревущей, лязгающей гусеницами машине. Немцы его не видели — из-за серого клочковатого дыма, закрывшего поле. Когда до танка оставалось не более пятнадцати метров, Фильченко привстал и швырнул под гусеницу тяжелую гранату.

Попал! Раздался глухой взрыв, танк проехал еще немного, разматывая порванные траки, а затем резко встал. Сверху открылся люк, показался немец в черном комбинезоне, вскинул руку с пистолетом и несколько раз выстрелил в Фильченко. Старшина резко дернулся, схватился за шею и рухнул на обожженную траву. Из пробитого горла, пульсируя, потекла алая кровь. Ее тут же впитывала черная, обугленная земля...

Слева от Сомова была ячейка Мустафаева, но из нее никто не стрелял. Алексей сначала подумал, что Айдера убило или тяжело ранило, но затем он увидел, как тот, подняв руки, сам бежит к немцам. Сдаваться в плен...

«Вот сволочь, — подумал Сомов, — надо бы пристрелить гада». И взял Мустафаева на мушку. Но выстрелить не успел — снова раздался тонкий противный свист, и рядом встал черный фонтан взрыва.

Алексея накрыло горячей волной, оглушило, он на время потерял сознание. А когда очнулся, то об-

наружил, что над ним стоят два немца. Один, молодой рыжий парень, а другой — уже пожилой унтер, с седыми висками. Парень вскинул винтовку — добить. Алексей замер, в голове мелькнуло: «Ну, вот, конец, сейчас пристрелит...» Но второй немец отрицательно покачал головой: «Nein!» И повелительно махнул Алексею рукой — вылезай!

Сомов с трудом приподнялся. Если уж умирать, то стоя, с гордо поднятой головой. Как и положено советскому человеку... Но унтер лишь слегка подтолкнул его винтовкой по направлению к шоссе — давай, шагай! И Сомову ничего не оставалось, как повиноваться. По черной горящей земле его повели в плен...

Алексей оглянулся и запомнил на всю жизнь: возле немецкого танка лежит окровавленный старшина Фильченко, гитлеровцы, суетясь, меняют траки на разорванной гусенице, а рядом, в ямке, смотрит в выжженное крымское небо красноармеец Левушкин. Немецкая пуля попала ему точно в голову...

* * *

...Из Директивы ОКВ № 41

Ставка фюрера,

5.4.1942.

Совершенно секретно.

Только для командования.

Передавать только через

офицера

...Главная операция на Восточном фронте. Ее цель, как уже указывалось, разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его,